

Научная статья
УДК 343.1
EDN ЕАОСҮА
DOI 10.17150/2411-6122.2024.4.85-95

Причины возникновения комиссионной формы расследования преступлений в 1917–1920 годах: уроки истории и взгляд в будущее

С.Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация, criminal_law@igpran.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению и распознаванию глубинных причин, повлиявших на предпринятую после Октябрьской революции попытку внедрения принципиально новой парадигмы расследования уголовных дел, сводящейся к деятельности наделенных коллегиальной правосубъектностью следственных комиссий. Такие стремления объясняются неоднозначными, в первую очередь негативными, оценками практики работы дореволюционного корпуса судебных следователей, в том числе, вытекающими из официальной записки должностных лиц кодификационного отдела Наркомюста от 19(6) февраля 1918 г.

В завершении делается вывод об использовании данного исторического опыта как подспорья в определении вектора и тенденций дальнейшего развития современной системы досудебной уголовной юстиции, в том числе правовых механизмов, позволяющих решать стоящие перед ней задачи.

Ключевые слова: Декрет о суде № 1, Декрет о суде № 2, досудебное производство, предварительное расследование, предварительное следствие, следственные комиссии, судебный следователь.

Для цитирования: Россинский С.Б. Причины возникновения комиссионной формы расследования преступлений в 1917–1920 годах: уроки истории и взгляд в будущее / С.Б. Россинский. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.4.85-95. — EDN ЕАОСҮА // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 4. — С. 85–95.

Original article

Reasons for the Emergence of the Commission Form of Crime Investigation in 1917–1920: Lessons of History and a Look into the Future

S.B. Rossinskiy

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
Moscow, the Russian Federation, criminal_law@igpran.ru

Abstract. The article is devoted to the identification and understanding of the root causes of the attempt to introduce a fundamentally new paradigm of criminal investigation after the October Revolution, namely, the creation of investigative commissions with a collegial legal personality. Such aspirations are explained by controversial and often unfavorable assessment of the work practices of the pre-revolutionary corps of judicial investigators, as manifested, among other sources, in the Official Note of the executives of the Codification Department of the People's Commissariat of Justice dated February 19 (6), 1918.

The author draws conclusions on how this historical experience could help to determine the vector and trends for the further development of the modern pre-trial criminal justice system, including the legal mechanisms that should solve the problems it faces.

Keywords: Decree on the Court № 1, Decree on the Court № 2, pre-trial proceedings, preliminary procedural investigation, preliminary investigation, investigative commissions, judicial investigator.

For citation: Rossinskiy S.B. Reasons for the Emergence of the Commission Form of Crime Investigation in 1917–1920: Lessons of History and a Look into the Future. *Sibirskie Ugolovno-Proceessual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no 4, pp. 85–95. (In Russian). EDN: EAOCYA. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.4.85-95.

Наблюдаемые в настоящее время проблемы, возникающие в практике работы российских органов дознания и предварительного следствия, приводящие к низкому качеству направляемых в суд материалов, к нарушению и ущемлению прав и законных интересов обвиняемых, потерпевших, прочих невластных участников уголовно-процессуальных правоотношений, к иным негативным последствиям, заставляют вновь и вновь задумываться о векторе и тенденциях дальнейшего развития как самой системы досудебной уголовной юстиции, так и правовых механизмов, позволяющих решать стоящие перед ней задачи. На протяжении всех последних лет данные вопросы привлекают повышенное внимание государственных и общественных деятелей, крупных практических работников, ученых-правоведов, других специалистов, побуждая к все новым и новым раундам полемических обсуждений. Однако предлагаемые для устранения существующих трудностей и противоречий шаги, как правило, не предполагают должной доктринальной проработанности. Такие предложения преимущественно ограничиваются достаточно локальными, точечными, порой весьма бессистемными организационными мерами и обуславливающими нестабильность законодательства правотворческими инициативами, не столько рассчитанными

на долгосрочную перспективу, сколько способствующими экстренному «затыканию дыр» или, что гораздо хуже, улучшению показателей ведомственной статистики. К слову, многие из подобных новаций уже получили официальное признание и нашли отражение в целом ряде изменений, внесенных в организацию и порядок работы органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры — они вполне ожидаемо дали лишь сиюминутный эффект, но так и не позволили разрешить зреющие годами проблемы.

В этой связи на сегодняшний день особую актуальность представляют полноценные научные изыскания в сфере досудебного производства по уголовному делу, направленные на выявление и распознавание глубинных причин наблюдаемых проблем — не столько «вершков», то есть подлежащих восприятию невооруженным глазом изъянов действующего законодательства и недостатков работы правоохранительных органов, сколько «корешков», то есть объективных обстоятельств, предопределивших возникновение таких изъянов и недостатков. Причем, по убеждению автора настоящей статьи, ввиду социальной (общественной) направленности юридических наук в целом и науки уголовного процесса в частности такие причины напрямую связаны с генезисом уголовной юсти-

ции. Одновременно представляется, что лишь подлинное понимание подобных исторических обстоятельств позволит правильно диагностировать заболевания, которыми в настоящее время страдает российская система досудебного производства по уголовному делу, а значит — и выработать конкретные меры, направленные на ее скорейшее выздоровление.

В частности, в достаточно подробном изучении и осмыслении нуждаются предпринятые сразу после Октябрьской революции самые первые преобразования существовавшей ранее «царской» системы досудебного производства, в первую очередь попытки внедрения в практику принципиально новой парадигмы расследования уголовных дел *коллегиальными следственными комиссиями*. Причем наибольший интерес представляют не столько обстоятельства непродолжительного, и, к слову, весьма бессистемного функционирования следственных комиссий, сколько сами причины, подтолкнувшие советскую власть к подобному шагу — их понимание, вне всяких сомнений, внесет определенную лепту в возникновение должных представлений о направлениях и перспективах развития современных органов предварительного расследования. Рассмотрению таких обстоятельств и посвящена настоящая статья.

Как известно, корни существующей системы досудебной уголовной юстиции начали формироваться во второй половине позапрошлого столетия — вследствие проведенной в 1860-х гг. по личной инициативе императора Александра II Судебной реформы. Причем, будучи ориентированными на французские социально-культурные ценности, участвующие в подготовке реформы и ее претворении в жизнь представители

российской политической и юридической элиты постарались обеспечить максимальную степень преемственности новых на тот момент представлений о досудебном производстве по отношению к классическим канонам предварительного следствия французского типа — известным постулатам, разработанным на рубеже XVIII–XIX вв. командой французских буржуазных юристов-реформаторов под руководством графа Ж.–Б. Трейяра, впервые нашедшим легальное отражение в знаменитом «Наполеоновском» Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г., а затем перенятым многими другими государствами Европы, Азии, Африки, Латинской Америки. Так, легализованная в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и некоторых других нормативных актах дореволюционная модель досудебной уголовной юстиции сводилась к функционированию учрежденного четырем годами ранее корпуса судебных следователей, осуществляющих расследование уголовных дел при содействии полиции и под наблюдением прокуроров (товарищей прокуроров). Эта модель просуществовала вплоть до известных революционных событий 1917 г., после чего была ликвидирована, а точнее заменена введенными советской властью, просуществовавшими в течение нескольких последующих лет и часто реформируемыми «декретными» правилами уголовной юстиции.

Так, в соответствии с известным Декретом о суде № 1¹ упразднились все существовавшие ранее судебные органы (в терминологии тех лет — установления), корпус судебных следователей, прокуратура, присяжная и частная ад-

¹ О Суде : Декрет СНК РСФСР от 24 нояб. 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

вокатура. Одновременно учреждались местные суды и революционные трибуналы в составе избираемого демократическим путем «председателя» и приглашаемых на каждую сессию двух очередных заседателей. Тогда как для производства предварительного следствия по уголовным делам учреждались особые следственные комиссии, состав и полномочия которых не конкретизировались.

Будучи самым первым, подготовленным «на скорую руку» и поспешно принятым документом советской власти в области юстиции, Декрет вообще не подразумевал какой-либо определенности [1, с. 12–13, 15]. Поэтому вскоре стали издаваться новые правовые акты, закрепляющие более четкие подходы к организации, формам и методам работы судебных и следственных органов.

В декабре 1917 г. появилась особая Инструкция, устанавливающая требования, предъявляемые к составам, компетенции и правилам работы специально созданных для защиты завоеваний революции трибуналов (революционных трибуналов)². Причем, имея достаточно ограниченную область применения, по сути, она стала первым актом советской власти, устанавливающим более или менее четкий порядок производства по отдельным категориям уголовных, а точнее квазиуголовных, дел. В частности, идеи о расследовании уголовных дел не обладающими индивидуальной правосубъектностью следователями, а коллегиальными органами — следственными комиссиями

получили мало-мальски четкое нормативное воплощение именно благодаря Инструкции. Так, следственным комиссиям предписывалось в не позднее чем 48-часовой срок рассматривать (расследовать) поступающие материалы и принимать одно из трех решений: а) о назначении дела к слушанию в революционном трибунале; б) о передаче дела по подсудности; в) о прекращении производства за отсутствием состава преступления. Одновременно следственные комиссии наделялись рядом полномочий — могли запрашивать в органах советской власти, на предприятиях в учреждениях либо у чиновников различные сведения, документы, в том числе материалы незавершенных производств, организовывать наблюдение за работой всех указанных субъектов. Им же дозволялось арестовывать и освобождать из-под ареста подозреваемых, проводить обыски и выемки, а соответствующие решения предписывалось принимать коллегиально (тремя членами комиссии); исключениями признавались лишь не терпящие отлагательства ситуации, при наличии которых любое подобное решение могло быть вынесено одним из членов комиссии при условии его последующего утверждения в 12-часовой срок всем составом комиссии. Жалобы на акты следственных комиссий надлежало приносить в революционные трибуналы, а полномочия по исполнению их распоряжений находились в ведении рабоче-крестьянской милиции, вооруженных сил, в том числе Красной гвардии, других органов советской власти.

Еще через несколько недель был издан Декрет о суде № 2³, предопределивший образование следственных ко-

² Революционному Трибуналу. О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний : Инструкция Наркомюста РСФСР от 19 дек. 1917 г. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 21 дек. (№ 38).

³ О Суде : Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

миссий по любым уголовным делам, превышающим подсудность местного суда. При этом следственную комиссию предписывалось формировать из трех лиц, подлежащих избиранию советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а в перспективе — посредством прямых народных выборов. По смыслу указанного Декрета такие комиссии наделялись всей полнотой следственных полномочий — по аналогии с вышеуказанными полномочиями революционно-трибунальных следственных комиссий. Кроме того, говорилось об их праве ограничивать участие в деле стороны защиты. И наконец, специально обращалось внимание на право следственной комиссии *самостоятельно предавать человека суду*. Так, в ст. 22 Декрета прямо говорилось об упразднении дореволюционного прокурорского порядка вынесения обвинительных актов с его заменой правилами, предполагающими принятие соответствующих решений (постановлений) следственных комиссий, подлежащих направлению непосредственного в суд. А судам, в свою очередь позволялось признавать такие постановления необоснованными и возвращать дела в следственные комиссии для проведения дополнительного расследования или поручать решение таких задач одному из своих членов.

В последующие месяцы правила организации и работы следственных комиссий претерпели ряд корректировок⁴⁵. А в октябре 1920 г. было приня-

⁴ О Суде : Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

⁵ О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение) : Декрет ВЦИК от 30 нояб. 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

то очередное Положение о народном суде РСФСР⁶, обусловившее отказ от их дальнейшего функционирования — полномочия по предварительному расследованию уголовных дел вновь оказались в ведении наделенных персональной юрисдикционной правосубъектностью участников уголовного судопроизводства, впредь называемых народными следователями и работающими в пределах закрепленных за ними следственных участков. Иными словами, предпринятый эксперимент по внедрению принципиально новой, как бы коллективной парадигмы предварительного следствия был признан неудачным, подлежащим окончательному прекращению.

В принципе все вышеприведенные обстоятельства достаточно известны и хорошо рассмотрены в публикациях по истории раннесоветского государства и права. В частности, они нашли должное отражение в изданной некоторое время назад монографии «УПК РСФСР 1922 года — первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия)», подготовленной автором настоящей статьи в соавторстве с другими сотрудниками Института государства и права РАН под редакцией профессора А.И. Чучаева [1, с. 8–42].

Вместе с тем ни юристы, ни историки, практически никогда не заостряли внимания на подлинных причинах, вызвавших у деятелей раннесоветской уголовной юстиции намерения отказаться от существующего до революции института единоличных судебных следователей и попытаться заменить их коллегиальными следственными комиссиями. Авторы обычно писали об

⁶ Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : Декрет ВЦИК от 21 окт. 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

этом решении как о некоей не требующей пояснений историко-правовой данности [2–4].

Правда самые дотошные специалисты все же старались объяснять указанную меру. В частности, высказывались предположения о желании большевиков, следуя известному ленинскому призыву «не реформировать старый суд, а сразу отдать его на слом» [5, с. 270], полностью изменить подходы к механизмам ранее обслуживавшего интересы эксплуататоров и способствовавшего угнетению трудящихся судопроизводства [6, с. 178]. Вместе с тем данное объяснение представляется достаточно наивным, по крайней мере ввиду следующих причин. Во-первых, сформированный после октябрьских событий 1917 г. первый состав советского правительства (Совнаркома) являлся не сугубо большевистским, а коалиционным, причем пост Народного комиссара юстиции в силу достигнутых договоренностей практически сразу занял представитель партии левых эсеров И.З. Штейнберг — как раз его политические соратники и единомышленники были основными инициаторами и разработчиками преобразований в области уголовной юстиции, проводимыми вплоть до «сдачи» Наркомюста большевикам в марте 1918 г. Тогда как сами большевики изначально вообще не планировали каких-либо экстренных преобразований в области юстиции [7, с. 35], открыто признавая недостаточное понимание роли суда и права в пролетарской революции [8, с. 60]. А во-вторых, как указывалось выше, менее чем через три года произошла фактическая реставрация корпуса судебных следователей, разве что под измененным наименованием — «народные», тогда как следственные комиссии были упразднены. Причем такое реше-

ние принималось именно по инициативе большевиков, окончательно отстранивших левых эсеров от власти после известного июльского мятежа 1918 г.

Существует еще одна историческая версия, объясняющая отказ от института «царских» судебных следователей с передачей соответствующих полномочий коллегиальным субъектам уголовной юрисдикции. Так, Д.О. Серов связал повсеместное внедрение подобной «архаичной формы организации следствия» с якобы существовавшими опасениями советской власти, связанными с юридической неграмотностью вновь принимаемых служб кадров, с их неготовностью к участию в производстве предварительного расследования уголовных дел [9, с. 147]. Однако, несмотря на внешнюю правдоподобность, данная версия тоже видится не вполне состоятельной, хотя бы ввиду своей голословности, неподтвержденности ни какими-либо документами, ни опубликованными свидетельствами «очевидцев». К тому же уважаемый автор, фактически вступил в противоречия с самим собой, одновременно, к слову, весьма справедливо заявив, что у социалистических партий, включая большевиков, изначально вообще не было никакой программы реформирования органов предварительного следствия [9, с. 145]. И наконец, вряд ли можно предположить столь явную наивность деятелей раннесоветской юстиции и вообще допустить их помыслы, направленные на преодоление прогнозируемого кадрового голода посредством использования упраздненных менее чем через 3 года коллегиальных форм деятельности следователей «из народа».

Поэтому в реальности намерения советской власти передать функцию предварительного расследования уго-

ловных дел в ведение следственных комиссий объясняются несколько иными причинами — далеко неоднозначными, порой весьма негативными оценками практики работы дореволюционного корпуса судебных следователей, даваемыми рядом влиятельных в те времена юристами. Правда, такие оценки на протяжении многих лет оставались вне зоны внимания научной общественности. Тогда как ученые публикаций обычно высказывались противоположные позиции. Порожденный Судебной реформой 1860-х гг. феномен судебного следствия в целом рассматривался в качестве неоспоримого блага, панацеи от всех болезней, присущих как «никлаевско-бенкендорфской», так и советской уголовной юстиции [10; 11]. И этому есть вполне понятное объяснение. Ведь основной массив информации о состоянии уголовной юстиции в дореволюционной России во-многом черпался и продолжает черпаться из богатого литературного наследия известной русской профессуры конца XIX — начала XX вв.: И.Я. Фойницкого, В.К. Случевского, Т.Г. Тальберга, Н.Н. Розина и др. Между тем никогда не обращалось внимания на жанр подавляющего большинства подобных публикаций. У автора настоящей статьи нет ни малейших намерений обесценить заслуги уважаемых ученых. Однако все-таки желательно помнить, что они, как правило, ограничивались написанием учебников и более развернутых Курсов уголовного судопроизводства, то есть литературы, в первую очередь адресованной студенческой аудитории. В связи с чем их позитивные отзывы о работе судебных следователей представляются вполне логичными и закономерными. К слову, в современных учебниках и даже фундаментальных Курсах уголовно-процессуальной направленности

применяется точно такой же подход — предусмотренным УПК РФ механизмам возбуждения и предварительного расследования уголовных дел обычно тоже даются позитивные или нейтральные оценки. Тогда так критические отзывы высказываются в сугубо научных монографиях, статьях, диссертациях и т.п.

Вместе с тем «альтернативные» и не столь лестные оценки возникшей в 1860-е гг. практики работы судебных следователей все же существовали. В частности, в Государственном архиве РФ удалось обнаружить достаточно интересный документ — датированную 19(6) февраля 1918 г. пояснительную (как тогда говорили, объяснительную) записку сотрудников созданного для разработки новых кодексов и законов РСФСР кодификационного отдела Наркомюста [12, с. 38–42] А.А. Шрейдера, Н.К. Змирлова, Н.Ф. Тераевича, в которой обосновывалась неприемлемость сохранения дореволюционного порядка предварительного расследования уголовных дел⁷. В этой связи необходимо еще раз обратить внимание, что авторы записки как большинство других замещавших в то время ответственные посты в Наркомюсте лиц были не большевиками, а левыми эсерами, представлявшими гораздо более консервативную и умеренную во взглядах политическую силу, стремившимися максимально сохранить преемственность новых институтов советской государственности по отношению к соответствующим институтам Российской империи.

Однако по вопросам досудебного производства была высказана принципиально иная точка зрения — сохранение «царской» модели судебного след-

⁷ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 166. Л. 38–42.

ствия не представлялось возможным, тем более приемлемым, ни при каких условиях. А правоприменительная практика работы дореволюционного корпуса судебных следователей была признана извратившей саму суть Судебной реформы 1860-х гг., не оправдавшей замыслов императора Александра II и его соратников-единомышленников. Говорилось, что в реальности не удалось добиться реализации ни одного из благих намерений реформаторов, в том числе непреложной независимости и самостоятельности судебных следователей с их процессуальной подконтрольностью лишь окружным судам, искоренения «гоголевской волокиты», «кривды», других извечных болезней национальной уголовной юстиции. И это несмотря на то, что двое из авторов записки, Н.К. Змирлов и Н.Ф. Тераевич, ранее сами успели поработать судебными следователями: первый — в Санкт-Петербурге, второй — в Вологодской губернии.

Причины подобных неудач связывались, в первую очередь, с механизмами прокурорского надзора (как тогда говорили, наблюдения), в реальности превратившегося в средство подавления независимости и самостоятельности судебных следователей. Авторы записки были убеждены, что именно прокурорский надзор помешал дальнейшему развитию возникших в 1860-е гг. и пронизанных идейно-общественным подъемом позитивных тенденций, изначально поспособствовавших воспитанию нового поколения следственных чиновников, достаточно сильно сблизившихся с народом, ставших буквально слугами народа, чем заслуживших подлинный авторитет и уважение. При этом персональная ответственность за «срыв» Судебной реформы в указанной части возлагалась на Н.В. Муравьева,

занимавшего в 1894–1905 гг. пост генерал-прокурора Империи — отмечалось, что он стал инициатором «искажения Судебных уставов», в том числе появления полностью зависимых от прокуратуры исполняющих обязанности (как тогда говорили, исправляющих должности) судебных следователей, а также избираемых по формальным основаниям особо важных и важнейших судебных следователей, осуществляющих по поручению все того же генерал-прокурора расследование наиболее резонансных, в первую очередь политических уголовных дел.

В результате авторы пояснительной записки обратили внимание на снижение качества предварительного следствия, на возвращение «медлительности, волокиты и даже кривды», на целый ряд других наблюдаемых в работе российских судебных следователей деструктивных обстоятельств. А выход и сложившейся ситуации им виделся только в одном — в упразднении прокурорского надзора и передачи функций по расследованию уголовных дел в коллегиальное ведение следственных комиссий с одновременным возложением на них всей полноты ответственности за законность качество выполняемой работы. Именно этим и были вызваны предпринятые в первые месяцы существования советской государственности попытки замены единоличных следователей коллегиальными следственными комиссиями с наделением их ранее отнесенными к компетенции прокуроров полномочиями по самостоятельному составлению «обвинительных постановлений» и передаче окончанных производством материалов в суд для рассмотрения по существу [12, с. 167–170].

Конечно, нельзя полностью уповать на объективность и достоверность подобных оценок дореволюционной

системы досудебного производства, высказанных уже после упразднения монархии представителями одной из некогда оппозиционных политических партий. Тем более, что авторы пояснительной записки, как и многие другие лица, пришедшие во власть на волне революционных событий 1917 г., явно не располагали всеми качествами, требуемыми для участия в правотворческой политике, в формировании принципиально новых органов и институтов советской государственности. Ведь их руководитель — начальник кодификационного отдела Наркомюста А.А. Шрейдер (1895 г.р.) на тот момент едва достиг 23-летнего возраста! Другие авторы, будучи несколько старше и даже успев поработать судебными следователями, вероятно, тоже не обладали должным кругозором, не имели необходимого опыта для претворения в жизнь столь серьезных новаций.

К тому же подобные нововведения в скором времени были отменены. Как уже неоднократно говорилось в публикациях автора настоящей статьи, едва оправившись от последствий политического хаоса, взвесив имевшийся кадровые ресурсы, оценив вполне реальные перспективы привлечения на службу в органы предварительного следствия специалистов «старой закалки», пришедшие на смену представителям левым эсерам большевистские руководители Наркомюста «с дореволюционным прошлым» принялись восстанавливать ранее отвергнутые, но при этом ничуть не противоречащие советской идеологии, подходы к организации и механизмам досудебного производства по уголовному делу. Предпринимаемые в данном направлении правотворческие шаги, писал С.А. Шейфер, стали предопределяться намерениями сохранить прогрессивные для того периода, вы-

веренные и апробированные позиции, лежащие в фундаменте уголовно-процессуального законодательства Российской империи [13, с. 64].

Вместе с тем лежащие в основе учреждения в 1917 г. следственных комиссий позиции никоим образом не должны оставаться без должного научного внимания. В частности, они могут стать хорошим подспорьем в развеивании мифа об абсолютном совершенстве и непогрешимости дореволюционной системы предварительного следствия, в том числе о непреложном профессионализме, исключительном правосознании и честности лиц, наделенных соответствующими государственно-властными полномочиями. Кроме того, они явно способствуют распознаванию явных параллелей, к уразумению существования аналогичных, по сути, проблем в правоприменительной практике Российской империи и сегодняшней Российской Федерации — при ознакомлении с текстом указанной пояснительной записки подчас создается впечатление, что она подготовлена не в 1918 г., а уже в наши дни и предполагает негативную оценку нынешних органов предварительного расследования и прокуратуры.

В любом случае подобные позиции должны расцениваться как констатирующие целый ряд недостатков, присутствующих дореволюционной системе досудебной уголовной юстиции, то есть в качестве своеобразных предостережений от рисков и опасностей предлагаемой некоторыми специалистами реставрации в нынешних реалиях развития российской государственности корпуса судебных следователей (вариативно — следственных судей). Представляется, что эти реалии явно не предрасположены к дальнейшему развитию досудебного производства по классиче-

ским наполеоновским лекалам. Вместе с тем полный отказ от ряда еще присутствующих российской уголовной юстиции элементов подобной (французской) модели предварительного расследования, в частности от концепции сильного, ответственного, вдумчивого, понимающего и справедливого следователя, призванного искать правду, устанавливать истину, т. е. осуществлять полное, всестороннее и объективное познание всех имеющих значение обстоятельств и одновременно заботиться о правах

и интересах участвующих лиц, также является неконструктивным. А наиболее оптимальным видится дальнейшее развитие досудебной уголовной юстиции по возникшему середине XX в. особому, так сказать, национальному пути, предполагающему возложение «юрисдикционно-расследовательских» полномочий на внесудебные органы государственной власти, например на существующий с 2011 г. и уже доказавший жизнеспособность Следственный комитет РФ.

Список использованной литературы

1. Россинский С.Б. УПК РСФСР 1922 года — первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия) / С.Б. Россинский, Е.В. Рябцева, А.И. Чучаев ; под ред. А.И. Чучаева. — Москва : Изд-во ИГП РАН, 2023. — 216 с.
2. Шимановский В.В. Органы предварительного следствия в 1917–1920 гг. / В.В. Шимановский // Правоведение. — 1967. — № 4. — С. 24–31.
3. Голиков Д.Л. Первые советские следственные органы / Д.Л. Голиков // Вопросы борьбы с преступностью. — Москва, 1968. — С. 140–152.
4. Павлов В.А. Становление органов юстиции и прокуратуры РСФСР (октябрь 1917 г. — декабрь 1922 г.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Москва, 2004. — 174 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — 5-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1974. — Т. 35. Октябрь 1917 ~ март 1918. — 599 с.
6. Ломакин Н.К. Организация и деятельность органов предварительного следствия Советской России в период гражданской войны / Н.К. Ломакин // Расследование преступлений : сборник. — Москва, 2014. — Вып. 3. — С. 175–179.
7. Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права : сб. статей, 1917–1913 / П.И. Стучка. — Москва : Госюриздат, 1931. — 236 с.
8. Ундревич В.С. Борьба за суд пролетарской диктатуры в первые месяцы Октябрьской революции / В.С. Ундревич // Советское государство и право. — 1931. — № 7. — С. 58–76.
9. Серов Д.О. Органы следствия в России в годы революций и гражданской войны (1917–1921 гг.): опыт краткого обзора / Д.О. Серов. — EDN UJHWOH // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2015. — № 12. — С. 137–154.
10. Полуда О.Н. Институт судебных следователей как гарант обеспечения законности контексте судебной реформы 1864 года / О.Н. Полуда. — EDN TSALYN // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 2 (103). — С. 54–59.
11. Хлебникова Г.В. Правовой статус судебного следователя в российской империи по судебным уставам 1864 года / Г.В. Хлебникова. — EDN VCWZJF // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 4 (32). — С. 327–331.
12. Россинский С.Б. Устав уголовного судопроизводства РСФСР 1918 года: уроки истории / С.Б. Россинский, А.И. Чучаев. — DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-6-grossinskiy-chuchaev. — EDN DGZVTK // Труды Института государства и права РАН. — 2023. — № 6. — С. 160–175.
13. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С.А. Шейфер. — Москва : Инфра-М, 2013. — 191 с.

References

1. Rossinskii S.B., Ryabtseva E.V., Chuchaev A.I.; Chuchaev A.I. (ed.). *Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922 — the First Codified Source of Soviet Criminal Procedure Law (the 100th Anniversary of Adoption)*. Moscow, 2023. 216 p.
2. Shimanovskii V.V. Bodies of Preliminary Investigation in 1917–1920. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1967, no. 4, pp. 24–31. (In Russian).
3. Golinkov D.L. First Soviet Investigative Bodies. In *Issues of Counteracting Crime*. Moscow, 1968, pp. 140–152. (In Russian).
4. Pavlov V.A. *Establishment of the Bodies of Justice and Prosecution of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (October 1917 — December 1922)*. Cand. Diss. Moscow, 2004. 174 p.
5. Lenin V.I. *Complete Works*. 5th ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1974. Vol. 35. 599 p.
6. Lomakin N.K. The Organization and Work of the Preliminary Investigation Bodies of the Soviet Russia in the Civil War Period. In *Investigation of Crimes*. Moscow, 2014. Iss. 3, pp. 175–179. (In Russian).
7. Stuchka P.I. *Thirteen Years of Fighting for the Revolutionary-Marxist Theory of Law*. Moscow, Gosudarstvennoe Yuridicheskoe Izdatelstvo Publ., 1931. 236 p.
8. Undrevich V.S. Fight for the Court of Proletarian Dictatorship in the First Months of October Revolution. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1931, no. 7, pp. 58–76. (In Russian).
9. Serov D.O. The Investigative Bodies of Russia in the Years of Revolutions and Civil War (1917–1921): Brief Outline. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs = Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, 2015, no. 12, pp. 137–154. (In Russian). EDN: UJHWOH.
10. Poluda O.N. Institution of Judicial Investigators as a Guarantor of Providing in the Legal Reform of 1864 Context. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2015, no. 2, pp. 54–59. (In Russian). EDN: TSALYH.
11. Khlebnikova G.V. The Legal Status of a Coroner in the Russian Empire the Judicial Statutes of 1864. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2015, no. 4, pp. 327–331. (In Russian). EDN: VCWZJF.
12. Rossinskiy S.B., Chuchaev A.I. Charter of Criminal Proceedings of the RSFSR of 1918: Lessons of History. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2023, no. 6, pp. 160–175. (In Russian). EDN: DGZVTK. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskiy-chuchaev.
13. Sheifer S.A. *Pretrial Procedure in Russia: Development Stages of Investigation, Court and Prosecutor's Authority*. Moscow, Infra-M Publ., 2013. 191 p.

Информация об авторе

Россинский Сергей Борисович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, сектор уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Author Information

Rossinskiy, Sergey B. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Process and Criminology, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 21.11.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.12.2024

Принята к публикации / Accepted 13.12.2024

Дата онлайн-размещения / Available online 19.12.2024